

УДК 342.53
ББК 67.400.621

ТРАДИЦИОННЫЕ РОССИЙСКИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМ

Л. Г. Коновалова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье предлагается анализ правовой значимости юридического закрепления перечня традиционных российских духовно-нравственных ценностей в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 сквозь призму правовой доктрины парламентаризма. Соотнесение указанных категорий производится через три основных вопроса: 1) как следует относиться к масштабным изменениям законодательства России, направленным на отражение в нем традиционных ценностей, с позиции доктрины парламентаризма; 2) требуется ли еще более активное внедрение традиционных ценностей в законодательство России с учетом доктрины парламентаризма; 3) можно ли считать концепцию парламентаризма соответствующей российской национальной идентичности и духовно-нравственным ценностям? Делается общий вывод о том, что принятие Указа о традиционных ценностях сопряжено со стремлением защиты национальной идентичности в условиях глобализации правовых систем, но с позиции доктрины парламентаризма отмечается желательность более активного участия парламента в обсуждении целей и задач государственной политики, а также повышения уровня дискусионности в самом парламенте при реализации в законодательстве страны подобных стратегических установок.

Ключевые слова: парламентаризм, традиционные российские духовно-нравственные ценности, правовая система, программное регулирование, парламент

TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES AND PARLIAMENTARISM

L. G. Konovalova

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article analyzes the legal significance of the legal consolidation of the list of traditional Russian spiritual and moral values in the Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022, No. 809, through the prism of the legal doctrine of parliamentarism. The correlation of these categories is carried out through three main questions: 1) how should one regard large-scale changes to Russian legislation aimed at reflecting traditional values in it from the standpoint of the doctrine of parliamentarism; 2) is an even more active implementation of traditional values in Russian legislation required, taking into account the doctrine of parliamentarism; 3) can the concept of parliamentarism be considered consistent with the Russian national identity and spiritual and moral values? The general conclusion is that the adoption of the Decree on Traditional Values is associated with the desire to protect national identity in the context of the globalization of legal systems, but from the standpoint of the doctrine of parliamentarism, the desirability of a more active participation of parliament in the discussion of the goals and objectives of state policy, as well as an increase in the level of debate in parliament itself when implementing such strategic guidelines in the country's legislation is noted.

Keywords: parliamentarism, traditional Russian spiritual and moral values, legal system, program regulation, parliament

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2026\)2.5](https://doi.org/10.14258/ralj(2026)2.5)

На фоне негативных проявлений глобализации в мировой политике, юриспруденции, а также в других областях гуманитарного знания все большую популярность набирает идея защиты национальной идентичности как адекватного противовеса чрезмерным процессам глобализации. В России тенденции правового отстаивания национальной идентичности также активно развиваются. Это можно заметить в практике Конституционного Суда РФ [1], в поправках в Конституцию РФ 2020 г. [2]. Очередным шагом в защите национальной идентичности явилось принятие Указа Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [3]. В Указе перечислены конкретные традиционные российские духовно-нравственные ценности: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Этот факт отличается значительной новацией, поскольку ранее в законодательстве России не использовалось прямое закрепление моральных ценностей или нравственных идеалов (они находили лишь косвенное выражение через юридические конструкции), а в правовой науке долгие годы шла дискуссия о поиске «национальной идеи» в условиях декларируемого конституцией идеологического многообразия. Велись споры о допустимости формирования «государственной идеологии» при официально транслируемом плюрализме мнений, о целесообразности юридического закрепления нравственных ориентиров.

Правовая природа традиционных российских духовно-нравственных ценностей остается неясной по причине отсутствия легального или научного согласования с более традиционными юридическими терминами, такими как принципы права, основы конституционного строя, а также с предлагаемыми к использованию смежными юридическими конструкциями (конституционными ценностями, национальной идеей, государственной идеологией и т. п.). В интерпретационных актах Конституционного Суда РФ, к примеру, применяются такие термины, как «высшая ценность», «традиционные семейные ценности», «конституционно значимые ценности», «охраняемые конституцией ценности», «семейные ценности» [4; 5].

Развитие законодательства в направлении защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей представляет особый интерес в плане соотношения с достаточно привычной для конституционного права конструкцией парламентаризма с позиции трех основных вопросов.

Первое. Как следует относиться к масштабным изменениям законодательства России, направленным на отражение в нем традиционных ценностей с позиции доктрины парламентаризма? В первую очередь такие изменения коснулись защиты традиционных российских представлений о семье. Так, в 2022 г. в законодательство об информационных технологиях был введен запрет на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и смены пола [6]. Спустя год, в ноябре 2023 г. международное общественное движение ЛГБТ было признано экстремистским на территории Российской Федерации. Подзаконными актами устанавливаются критерии отнесения информации к пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения. С 2024 г. запрещается распространение в сети Интернет, средствах массовой информации, кинофильмах и рекламе информации, пропагандирующей отказ от деторождения [7]. В КоАП РФ введена административная ответственность за эти новые запрещенные виды пропаганды [8].

В 2023 г. Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» установлен запрет смены пола человека, к которому не отнесено лечение врожденных аномалий (пороков развития), генетических и эндокринных заболеваний, связанных с нарушением формирования половых органов у детей, в случае если такие медицинские вмешательства допускаются по решению врачебной комиссии медицинской организации, подведомственной уполномоченному федеральному органу исполнительной власти [9]. Изменениями в Семейный кодекс запрещается быть усыновителями и опекунами лицам, являющимся гражданами государств, в которых разрешена смена пола путем медицинского вмешательства, а также лицам без гражданства, имеющим постоянное место жительства в указанных государствах [10]. Был введен запрет на применение вспомо-

гательных репродуктивных технологий в виде суррогатного материнства для мужчины и женщины, которые не состоят в браке [11].

Усиленная правовая защита была также предложена ценностям патриотизма при проведении специальной военной операции, поскольку введена уголовная и административная ответственность за действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан. В целом традиционные российские духовно-нравственные ценности называются приоритетными задачами в программных документах по осуществлению государственной политики в сфере воспитания, культуры, образования, миграции [12; 13].

Официальные социологические опросы показывают высокую общественную поддержку ориентации государства на защиту традиционных ценностей. В частности, такой результат продемонстрировал опрос россиян, представленный 28 декабря 2023 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения [14]. В то же время некоторые исследователи обращают внимание на негативные моменты влияния на законодательство России новой правовой категории «традиционные ценности». В частности, Ф. В. Чирков применительно к уголовно-правовой сфере пишет: «В настоящее время в закон активно вводятся новые правовые конструкции, устанавливающие серьезную юридическую ответственность за действия, противоречащие традиционным российским духовно-нравственным ценностям или причиняющие им вред. Цена вероятной ошибки, связанной в данном случае с подменой норм права нормами морали с их расплывчатостью формулировок и широтой толкования, крайне высока. В контексте разбалансированного соотношения деяния и последующей санкции может быть нарушен один из важнейших принципов права — справедливость. Кроме того, может быть нарушена и законность; предпочтение норм морали нормам закона, осуждение «не по закону, а по совести», что напрямую противоречит положениям ч. 2 ст. 4 Конституции РФ» [15, с. 42].

Т. Ю. Астапова отмечает, что юридическая конструкция традиционных ценностей не задает ориентиров в разрешении многих актуальных правовых вопросов, например о целесообразности абсолютного приоритета прав выносившей и родившей матери над правами генетических родителей, закрепленного в ст. 51 СК РФ [16, с. 2]. Зачастую в правовой науке анализируются проблемы размытости юридической конструкции «дискредитации статуса Вооруженных сил РФ» [17; с. 99].

С. Р. Дробязко высказывает мысль о наметившемся после признания традиционных ценностей существенном противоречии в государственной политике, реализуемой в вопросе смены пола. С одной стороны, законодатель запретил смену пола, с другой стороны, не защитил граждан от ошибок в диагностике и ошибочных судьбоносных решений о гормональных и хирургических вмешательствах, не реформировал инфраструктуру данных услуг, не позаботился о судьбе лиц, уже пострадавших от пропаганды смены пола [18, с. 53]. Это при том, что в мировой медицине остается актуальным вопрос о том, является ли желание смены пола психическим заболеванием [19, с. 18].

То есть применительно к поставленному вопросу обращает на себя внимание масштабное влияние подзаконного регулирования на содержание законодательства России и некая отстраненность парламента от обсуждения дискуссионных аспектов реформирования. Однако эта тенденция не стала новой для России, поскольку еще и ранее в конституционно-правовой практике наметилась тенденция воспринимать многие акты Президента РФ как документы стратегического планирования. В зарубежных странах программное регулирование задает вектор развития законодательства. Однако теория парламентаризма все же исходит из целесообразности расширения дискуссионности при принятии государственно-властных решений.

Второе. Требуется ли еще более активное внедрение традиционных ценностей в законодательство России с учетом доктрины парламентаризма? Например, остается непонятным, следует ли как-то скорректировать трудовое законодательство под ценность созидательного труда, социально-экономическое законодательство — под приоритет духовного над материальным и т. п.? Смогут ли суды признавать какие-то акты или действия противоправными со ссылкой на закрепленные в Указе Президента РФ традиционные российские духовно-нравственные ценности? Безусловно, подзаконный уровень закрепления важных ценностей, от которых следовало бы ожидать серьезных юридических последствий, кажется низковатым. Например, профессор А. А. Мохов предлагает усилить

юридическую интерпретацию духовно-нравственных ценностей через принятие федерального закона, определяющего содержание каждой традиционной российской духовно-нравственной ценности. А в последующем — отразить эти ценности во всех базовых законах страны и воплотить в жизнь через деятельность органов власти и общественных организаций [20, с. 5].

В то же время многие юристы призывают и без принятия федерального закона о традиционных российских духовно-нравственных ценностях провести внедрение ценностей, закрепленных в Указе Президента РФ, во все базовые законы страны. Е. В. Кашкина видит необходимость указать в ст. 2 УК РФ среди задач уголовного преследования «охрану традиционных российских духовно-нравственных ценностей от преступных посягательств» [21, с. 16]. Выдвигается идея усилить охрану традиционных ценностей в законодательстве о культуре [22, с. 5]. Иницируются изменения в СК РФ по сохранению традиционных семейных ценностей, включая закрепление принципа добросовестности осуществления родителями родительских прав [23], принципа сохранения и укрепления традиционных ценностей [16, с. 2], внедрения обязанностей детей [24, с. 3]. А. В. Фиошин предлагает исключить из Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» возможность оплаты искусственного прерывания беременности по желанию женщины за счет средств Фонда обязательного медицинского страхования [25, с. 22]. Высказывается мысль о необходимости прямого закрепления в СК РФ запрета признания однополых браков между иностранными гражданами, заключенных за пределами территории Российской Федерации [26, с. 22].

Однако ряд авторов склонны считать, что действующее законодательство и правоприменительная практика и так уже сориентированы на защиту традиционных ценностей. Так, наследственное право охраняет традиционные семейные ценности через очередность наследства, выделение обязательных долей детей [27, с. 2]. «Ядром» семейного законодательства является стремление защитить ценности семьи [28, с. 38]. Законодательство о военнослужащих защищает традиционные семейные ценности через регламентацию отпусков по уходу за детьми, условий досрочного прекращения служебных отношений в связи с семейными обстоятельствами и т. п. Законодательство об уголовной и административной ответственности учитывает возрастные, гендерные, семейные, нравственные характеристики правонарушителей. Широко признается защита традиционных ценностей (материнства, отцовства, достоинства и др.) Конституционным Судом РФ. Т. Ю. Астапова полагает, что при применении гражданско-правовых конструкций суды опираются на сложившиеся традиции, обычаи, мораль и нравственность. Например, традиционные ценности учитываются при разрешении споров о прекращении права общей долевой собственности на жилые помещения путем выкупа незначительной доли, когда суды принимают во внимание интересы малолетних детей, инвалидность собственника или добросовестность поведения участников долевой собственности [29, с. 44].

Критический взгляд на формализацию традиционных ценностей можно почерпнуть у многих специалистов по конституционному праву, которые еще до принятия рассматриваемого Указа Президента РФ критиковали возможную ориентацию законодательства на консервативную традиционалистскую доктрину. Например, В. В. Кочетков пришел к мнению, что поиск «русской национальной идеи» не предполагает рационализацию базовых русских ценностей и позволяет манипулировать конституционными институтами, дезавуировать их позитивное содержание, подстраиваться под интересы властной элиты и консервировать мнимый конституционализм [30, с. 13]. Однако правовой концепт традиционных ценностей находит и позитивную оценку авторов. Так, Н. С. Конева отмечает, что «конституционализация традиционных ценностей — это не только ответ на внешнеполитические вызовы, это проявление аксиологической ценности конституционных установлений» [31, с. 17]. По мнению Т. Я. Хабриевой, конституционная реформа «отражает поиск национальной идентичности, запрос на отражение в Основном Законе конституционной самобытности и морально-нравственных ориентиров» [32, с. 406]. Г. Д. Садовникова убедительно пишет, что «только те приоритеты, которые основываются на традиционных ценностях, будут обеспечиваться народной поддержкой и смогут стать реальными перспективами конституционного развития и, что не менее важно, ориентиром поведения как для государства, всех его органов и должностных лиц, так и для граждан и их объединений» [33, с. 45].

То есть перспективы дальнейшего изменения законодательства под концепт традиционных ценностей интерпретируются по-разному, однако не представляется возможным отрицать в деятельности отечественного парламента ориентацию на защиту традиционных ценностей еще до принятия обсуждаемого Указа Президента РФ. Сама конструкция парламентаризма исходит из необходимости адекватного выполнения парламентом представительной функции, что, безусловно, немислимо без соотнесения народными избранниками любых законодательных инициатив с интересами населения, включая представления граждан о традиционных ценностях.

Третье. Возникает вопрос о том, можно ли считать концепцию парламентаризма соответствующей российской национальной идентичности и духовно-нравственным ценностям. Зачастую концепция парламентаризма считается присущей странам «европейской» правовой традиции, хотя такой постулат может быть оспоримым. Идеи представительного правления присутствовали в политико-правовой мысли многих государств, включая восточные и арабские регионы, с глубокой древности, а рецепция «западных» юридических конструкций конституционализма сопровождается значительным национальным своеобразием в той или иной стране. Современное создание международных парламентских учреждений, транслирование отдельных признаков парламентаризма в международных документах, налаживание межпарламентского сотрудничества позволяет ставить вопрос о формировании ценностей парламентаризма на наднациональном уровне. Развитие идей парламентаризма сопровождается массовым продвижением парламентских учреждений на фоне конституционализации государственности многих стран мира, в конституционных актах которых прослеживается тенденция к закреплению парламентаризма в качестве «скрытого» конституционного принципа (т. е. через регламентацию его отдельных признаков). Хотя наряду с упрочением статуса национальных парламентов и формированием наднациональных стандартов парламентаризма глобализация имеет своим следствием ослабление парламентаризма. Это связано с утратой традиционных правовых систем и ослаблением суверенитета государств, наличием «мировых вызовов», с которыми национальные парламенты не могут справиться, манипулированием юридическими конструкциями в мировой политике для утверждения гегемонии отдельных стран.

В то же время правовую концепцию парламентаризма нельзя назвать единственно возможной моделью организации государственной власти. В мировой практике конкурирующими с парламентаризмом и не столь популярными правовыми моделями остаются конструкции советов, совещательных органов при халифате. Продолжают существовать и доконституционные режимы, которым не свойственно наличие парламентов в принципе.

Правовая идея парламентаризма известна отечественной юриспруденции достаточно давно. Дореволюционные исследователи по-разному соотносили парламентаризм с отечественной монархической государственностью: от категорического отрицания до рекомендаций по активному вовлечению законодательных органов в управление страной. В советское время буржуазный парламентаризм рассматривался с критических позиций. Однако сегодня в целом концепция парламентаризма наиболее часто воспринимается как позитивная юридическая конструкция, призванная наметить правовые рычаги повышения эффективности деятельности парламента в системе разделения властей.

Парламентаризм — достаточно сложная категория, которая по-разному интерпретируется в юридической науке. Он определяется через категории «режима», «формы государственного руководства обществом», «парламентарной формы правления», «политической системы», «системы государственного руководства обществом», «некой шкалы социальных ценностей», «политического института», «государственного строя», «принципа», «комплекса теоретических концепций, законодательных актов, правоотношений»; «совокупности идей и опыта представительного осуществления власти народа посредством парламента»; «общественно-политического и идейного движения» [34, с. 8; 35, с. 55; 36, с. 69]. Однако, пожалуй, самым распространенным вариантом является указание на парламентаризм как на «особую систему организации государственной власти» [37, с. 6]. В этом смысле можно предложить понимать под парламентаризмом особую систему организации государственной власти, отражающую существенную роль парламента в том или ином государстве на практике. Обобщив имеющиеся в юридической литературе воззрения, представляется логичным обозначить следующие квалифицирующие признаки парламентаризма: 1) верховенство закона; 2) разделение властей

с четко обозначенными и реальными полномочиями парламента; 3) участие парламента в формировании органов исполнительной, судебной и иных ветвей власти; 7) подотчетность исполнительной власти парламенту; 5) особый статус депутата со свободным мандатом и ответственностью перед законом; 6) многопартийность, право на политическую оппозицию и обеспечение связи населения с механизмом государства; 7) независимость судебной власти и ее взаимодействие с законодательной и исполнительной властью для обеспечения баланса государственно-правового устройства. Именно эти признаки характеризуют эффективное исполнение полномочий парламентом, позволяют ему во взаимодействии с иными ветвями власти обеспечить устойчивый внутренне регулируемый механизм стабильного развития государства.

Можно ли утверждать, что данные признаки соответствуют традиционным российским духовно-нравственным ценностям? Н. С. Конева задается вопросом о том, что именно делает ценность традиционной, другими словами, что дает тем или иным ценностям качество традиционности [38, с. 17]. В этой связи автор предлагает выделять несколько подходов, связанных с типом правопонимания. В частности, при нормативистском подходе к традиционным ценностям нужно относить именно те ценности, которые названы в качестве таковых в Конституции РФ и Указе Президента РФ. Естественно-правовой подход предполагает, что есть некий набор базовых общечеловеческих ценностей. Эти ценности Н. С. Конева ассоциирует с естественным происхождением всех конституционных прав человека и считает, что такой концепт не соответствует потребностям государственного и общественного развития России.

Представляется правильным согласиться с выделением нормативистского и естественно-правового концепта в понимании традиционных ценностей, скорректировав восприятие последнего подхода как базирующегося на универсальных ценностях конституционализма, выраженных не только в конструкции естественных прав человека, но и в признаваемых международным правом и многими национальными конституциями ценностях (демократизма, разделения властей, правовой государственности и т. п.). Видится также логичным обозначить третий подход в восприятии традиционных ценностей — национальный, основанный исключительно на основе идей национальной идентичности (халифата, всевластия советов, коллективизма и т. п.).

В этом плане предложенный Указом Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809 набор традиционных российских духовно-нравственных ценностей является неким слиянием естественно-правового и национального подхода, поскольку некоторые перечисленные в нем ценности созвучны универсальным ценностям международного права (жизнь, достоинство, права и свободы человека, гуманизм), а другие отражают специфику правосознания россиян (служение Отечеству и ответственность за его судьбу, приоритет духовного над материальным, милосердие, коллективизм).

С подобных позиций можно задуматься о том, не следует ли переориентировать признаки парламентаризма под специфические национальные ценности? Например, исходя из приоритета духовного над материальным, стоит ли отказаться от оплачиваемого характера работы депутатов? Или, исходя из идей коллективизма, вернуться к усилению роли трудовых коллективов на выборах депутатов? Думается, что подобные вопросы не являются новыми для конституционно-правовой науки. И при формулировании вышеназванных признаков парламентаризма конституционно-правовой доктриной уже учтен опыт правовых экспериментов многих стран мира. Поэтому предлагается считать юридическую концепцию парламентаризма универсальной и не противоречащей традиционным российским духовно-нравственным ценностям.

Эта мысль находит подтверждение в правовых позициях Конституционного Суда РФ. Во многих актах суда, а также в особых мнениях его судей применительно к российской государственности употребляется само понятие «парламентаризм» и даются его некоторые характеристики, включая «двухпалатность модели российского парламентаризма» [39]; признание представительной природы депутатского мандата и профессионального характера деятельности депутата как «исходного начала российского парламентаризма» [40]. В юбилейной Информации Конституционного Суда РФ в 2021 г. указывается, что вопросы парламентаризма были охвачены в решениях Конституционного Суда РФ [41], в чем также можно найти признание нацеленности государства на построение института парламентаризма. Правда, признание Конституционным Судом РФ в Заключении по конститу-

ционными поправкам 2020 г. факта становления в стране «развитого парламентаризма», способного выступать в качестве одной из гарантий демократичности изменяемых подходов в исчислении президентских полномочий [39], критикуется в юридической литературе как явно завышенное [42, с. 84].

Таким образом, принятие Указа Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809, с одной стороны, направлено на противостояние угрозам, исходящим от деятельности экстремистских и террористических организаций, недружественных иностранных государств; с другой стороны — призвано способствовать укреплению единства многонационального народа России. Закрепленные в Указе Президента РФ традиционные духовно-нравственные ценности являются позитивными и нацеленными на сплоченность российского общества, однако остаются спорными в философском, социально-политическом смыслах в части их перечня, трактовки содержания и правовых последствий. Трансформация законодательства России под влиянием закрепленных в Указе Президента традиционных духовно-нравственных ценностей демонстрирует укоренение вектора в определении стратегических ориентиров страны через подзаконные акты, что не вполне согласуется с классическими представлениями о верховенстве закона и парламентаризме. Напрашивается мысль о желательности более активного участия парламента в обсуждении целей и задач государственной политики, а также повышения уровня дискусионности в самом парламенте при реализации в законодательстве страны подобных стратегических установок. Что как раз и может быть осуществлено при наибольшей реализации признаков парламентаризма в законодательстве и правоприменительной практике. Это позволило бы более взвешенно подходить к определению направлений развития государственной политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах РФ», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства РФ и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.
2. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
3. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809 «» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
4. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова: Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 6
5. По делу о проверке конституционности подпункта б пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К. С. и гражданки Р. С.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.06.2018 № 25-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 5.
6. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 05.12.2022 № 478-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 50 (ч. III). Ст. 8772.
7. О внесении изменений в статьи 10.6 и 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23.11.2024 № 411-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 48. Ст. 7218.

8. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 05.12.2022 № 479-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 50 (ч. III). Ст. 8773.
9. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
10. О внесении изменений в статьи 127 и 146 Семейного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 23.11.2024 № 405-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 48. Ст. 7212.
11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ: Федеральный закон от 19.12.2022 № 538-ФЗ // Российская газета. 2022. 22 дек.
12. Об утверждении федеральной образовательной программы дошкольного образования: Приказ Минпросвещения России от 25.11.2022 № 1028. URL: <http://pravo.gov.ru>, 28.12.2022
13. Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 11.11.2024 № 2501-р. URL: <http://pravo.gov.ru>, 16.09.2024
14. ВЦИОМ. Новости. Традиции в эпоху перемен. 28 декабря 2023 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen?mdrv=wciom.ru&cHash=cd031f1b5b9fcfe5aa5f47e56006edb4>
15. Чирков Ф. В. Конституционализация уголовной политики защиты традиционных ценностей: к постановке проблемы // Российский следователь. 2024. № 6. С. 42–45.
16. Астапова Т. Ю. Традиционные семейные ценности как направление совершенствования семейного законодательства // Семейное и жилищное право. 2023. № 3. С. 2–4.
17. Будыльская Н. В. Актуальные вопросы привлечения к ответственности за дискредитацию и распространение ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации // Современные социальные и экономические процессы: проблемы, тенденции, перспективы регионального развития. 2023. № 1. С. 99–102.
18. Дробязко С. Р. Образ жизни личности как предмет конституционно-правовой защиты на примере вопроса о смене пола // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 1. С. 53–57.
19. Палькина Т. Н. Проблемы реализации права на изменение пола // Семейное и жилищное право. 2010. № 6. С. 18–21.
20. Мохов А. А. От Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» к одноименному федеральному закону? // Современное право. 2024. № 8. С. 5–10.
21. Кашкина Е. В. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как объект уголовно-правовой охраны. Ч. 1 // Российский судья. 2024. № 9. С. 16–19.
22. Мохов А. А. Государственная политика в сфере культуры, направленная на обеспечение сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей: правовой взгляд // Современное право. 2024. № 6. С. 5–8.
23. О внесении изменений в Семейный кодекс РФ в целях укрепления института семьи: Проект Федерального закона № 989008–7 // СПС «КонсультантПлюс».
24. Ситдикова Л. Б., Шиловская А. Л. К вопросу об обязанностях несовершеннолетних // Семейное и жилищное право. 2014. № 4. С. 3–7.
25. Фиошин А. В. Об основах формирования государственной политики по поддержке семей и сохранению традиционных семейных ценностей (или Концепция четырех «И») // Нотариус. 2022. № 6. С. 22–26.
26. Рузакова О. А., Рузаков А. Б. К вопросу о непризнании в Российской Федерации однополых браков, зарегистрированных за рубежом // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 22–25.
27. Щенникова Л. В. Наследственное право на службе охраны традиционных семейных ценностей // Наследственное право. 2023. № 1. С. 2–5.
28. Нечаева А. М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2007. С. 38.
29. Астапова Т. Ю. Традиционные ценности при разрешении споров о прекращении права общей долевой собственности на жилые помещения путем выкупа незначительной доли // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 5. С. 44–49.

30. Кочетков В.В. К вопросу о национальной русской идее: философско-правовой подход // Государство и право. 2013. № 4. С. 13–19.
31. Конева Н.С. Конституционализация традиционных ценностей: диалог общества и государства // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 12. С. 17–19.
32. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник РАН. 2020. Т. 90, № 5. С. 406.
33. Садовникова Г.Д. 30 лет Конституции Российской Федерации: традиционные ценности и новые приоритеты // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 10. С. 45–53.
34. Могунова М.А. Парламентаризм: понятие, сущность, принципы // Публично-правовые исследования. Ежегодник Центра публично-правовых исследований. Т. 3. М., 2008. С. 8–71.
35. Ализода З. К вопросу о понятии и признаках парламентаризма // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 5. С. 55–60.
36. Крамской В.В. К вопросу об определении понятия «парламентаризм» // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7. С. 69–71.
37. Парламентское право России: учебное пособие / под ред. И.М. Степанова, Т.Я. Хабриевой. М., 1999. С. 6.
38. Конева Н.С. Конституционализация традиционных ценностей: диалог общества и государства // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 12. С. 17–19. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-12-17-19
39. Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ не вступивших в силу положений Закона РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции РФ порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента РФ» // Российская газета. 2020. 17 марта.
40. Особое мнение судьи С.Д. Князева к Определению Конституционного Суда РФ от 06 марта 2013 г. № 324-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений частей 1 и 2 статьи 89 Федерального закона „О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ”» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1745.
41. Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда РФ): Информация Конституционного Суда РФ (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) // СПС «Консультант Плюс».
42. Троицкая А. Селективная рациональность? Аргументация Конституционного Суда РФ о сроках полномочий Президента в зеркале когнитивистики // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 1. С. 84–99. DOI: 10.21128/1812-7126-2021-1-84-99